

В. Г. ТУР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В связи со слабо развитой сетью современных дорог и сложным рельефом местности, Юго-Восточный Крым является наименее исследованной археологами частью полуострова. Тем не менее, в древности данная территория была достаточно хорошо освоена человеком в силу близости к известным морским гаваням, торговым путям и естественной защиты от вторжения кочевых племен со стороны степи. С целью поиска новых памятников и уточнения информации по ранее известным, в 1999–2003 гг. нами были проведены визуальные археологические разведки в юго-восточной части Караби-яйлы и в окрестностях Судака. При этом основное внимание уделялось поиску памятников средневековья. Учитывая, что в результате расширяющегося курортного строительства регион все более подвергается активному освоению, существует риск уничтожения некоторых ранее известных или найденных памятников, что и побудило нас к публикации данных материалов.

Караби-яйла

Караби-яйла, крупнейшее нагорье Юго-Восточного Крыма, прежде всего, известно по найденным и частично исследованным памятникам каменного века и периода бронзы [2, с. 21-22]. Здесь же сохранились “нагорные стены”, упоминаемые еще Кеппенем [9, с. 61] и более подробно описанные О.И. Домбровским, отождествлявшим их с “длинными стенами” Прокопия Кессарийского [23, с. 30-44].

В числе известных объектов – обнаруженные в 1970 г. рисунки в пещере “Студенческая” и знаки около горы Карчигалы II (Иртыш), которые были частично опубликованы В.С. Драчуком в краеведческой литературе [5, с. 68-74, 95-100], но не нашли отражения в научных отчетах и изданиях. Причем при публикации всего 34 из 64 знаков из пещеры Студенческая, вероятно по техническим причинам при копировании, был допущен ряд неточностей, что привело к искаженному пониманию символов. В процессе археологических разведок 1999-2001 гг. мы повторно исследовали и зафиксировали указанные символы, предлагая гипотезу в части их датировки и интерпретации¹.

Пещера “Студенческая” находится в 1,5 км к юго-востоку от метеостанции (рис. 1, 1; 2) и представляет собой “шахту” глубиной 40 м и шириной от 2 до 15 м в различных участках. В средней части образуется площадка, на которой круглый год сохраняется снежная пробка (в августе 1998 г. ее толщина достигала 3 м, в мае 2000 г. – 4-5 м, в мае 2003 г. – 1,5 м). Вертикальные стены пещеры покрыты льдом, либо, в жаркое время года, конденсирующейся влагой. К упомянутым петроглифам ныне доступ возможен только

¹Автор благодарит А.Е. Белана, группу преподавателей и студентов Одесского и Крымского юридического институтов МВД Украины, оказавших помощь в проведении разведок.

при наличии спелеологического оборудования. Завал камней в северо-восточной части верхнего яруса пещеры позволяет предположить наличие в древности более удобного спуска. Шурфы, заложенные около пещеры до уровня плотного материкового грунта на глубину 0,3 м археологического материала не дали, за исключением железной подковы для парнокопытных. В южной части карстовой шахты осмотрен двадцатиметровый "колодец", а в ледяной пробке заложен второй шурф. Под ней открыт неизвестный ранее второй карстовый "колодец" глубиной около 10 м. При визуальном изучении дна обнаружено несколько костей животных, предположительно лошади.

Единственным свидетельством использования пещеры людьми остаются 64 петроглифа, прочерченных на поверхности известковых стен (рис. 3; 4). Для их нанесения небольшие участки скалы предварительно подтесывались и выравнялись. По технике исполнения, глубине бороздок и степени сохранности можно предположить, что отдельные группы рисунков наносились в разные годы, но с относительно небольшим интервалом во времени. По результатам трассологического исследования – они прочерчены острием уплощенного твердого, предположительно железного инструмента. Петроглифы расположены на различном уровне, что зависело от колебаний высоты снежной пробки. За исключением 12 крестов (рис. 4, 33) и символа на западной стене (рис. 4, 29), которые, вероятно, нанесены в одно время, изображения композиционно не связаны. Поэтому при описании мы сформировали их не по месту нахождения, а по типам.

Первую группу петроглифов составляют стилизованные изображения двенадцати парусных судов (рис. 3, 4-15). Сюда же мы включаем и контуры вёсельной лодки с сидящим в ней человеком (рис. 3, 1). Пять кораблей (рис. 3, 6, 8, 9, 10, 11) имеют высокий борт, но только на одном из них (рис. 3, 9) едва выражена кормовая надстройка. Для изображений трех кораблей характерен низкий борт (рис. 3, 4, 5, 7, 12). Корпус остальных трех вообще прослеживается условно (рис. 3, 13-15). Суда на рис. 3, 4, 6-12 несут парусное вооружение из грот-мачты с прямоугольным парусом. Кроме того, на рис. 3, 6, 8, 11 прочерчена бизань-мачта с латинским парусом. Причем на рис. 3, 6 не исключено наличие третьей фок-мачты. Судно с тремя мачтами, несущими латинские паруса, изображено на рис. 3, 5, с двумя латинскими парусами – на рис. 3, 12, 14. Одномачтовые суда с прямыми парусами имеются на рис. 3, 10, 15. На рисунках 3, 4, 11 четко прослеживается грот-рей. Это указывает на наличие грот-марселя. Носовая часть судов на рис. 3, 4, 8, 12 завершается бушпритом. На рисунках 3, 8, 11 четко обозначен байонский руль, получивший широкое распространение, как и грот-марсель, не ранее XIII–XIV вв. В то же время, на рис. 3, 4, 9 можно предположить наличие вёсельного руля, который после XV–XVI вв. применяется крайне редко.

Схематичность изображений парусных кораблей не позволяет абсолютно точно их классифицировать, т.к. в прошлом тип судна, прежде всего, определяли его тоннаж и функциональное назначение. В то же время, некоторые элементы, на которые мы обратили внимание, позволяют не только датировать рисунки, но и предположить класс судна.

Прежде всего, необходимо отметить отсутствие даже намека на весла. Таким образом, изображения судов относятся ко времени вытеснения в Средиземном и Черном морях гребных судов парусными. Наличие высокого борта, приподнятой кормовой и носовой части, парусное вооружение позволяют предположить в рисунках 3, 8, 9, 11 изображение каравеллы-ретонды со смешанным парусным вооружением, а на рис. 3, 5, 12, 14 – латинской каравеллы с косыми парусами [16, с. 66]. Подобные суда имели широкое распространение в Южной Европе XV–XVI вв. В то же время, низкий борт может означать изображение не каравеллы, а судна типа "шебека", появившегося в XVIII в., имеющего конструкцию, подобную каравелле. Судно на рис. 3, 6, имеющее широкий округлый корпус, высокий борт и трехмачтовое вооружение, соответствует каракке XIV–XVI вв. [12, с. 25-27, 66-67]. Наличие грот-марселя на рис. 3, 4, 11 характерно для судов, используемых при каботажном плавании [16, с. 90-91]. Подобные изображения кораблей в Крыму не редкость, например,

опубликованные нами граффити из Судакской крепости [18, с. 218], в средневековых храмах сел Богатое, Богатовка и др. Все описанные суда относятся ко времени не ранее XIV и не позднее XVIII вв. В то же время, учитывая толщину известковых натеков, при условии относительной стабильности микроклимата в пещере, возраст рисунков соответствует 400–500 годам². Таким образом, можно сделать вывод, что рисунки в пещере Студенческая создавались в промежуток между XIV и XVI веками.

Касаясь функционального назначения рисунков, если предположить их культовое назначение, то, как известно, с древнейших времен изображение судна было связано либо с представлениями о переходе “в мир иной”, либо в солярных культурах – это “солнечная ладья”. В христианстве корабль трактовался как спасительный символ церкви, плывущей по волнам житейского моря, либо символ души, ведомой церковью [29, с. 27-111]. Причем изображение позднесредневековых парусных судов ничего не меняет, так как в культовой символике тип изображаемого корабля обычно соответствовал времени.

Вторая группа из восьми петроглифов объединяет стилизованные изображения “живого” мира (рис. 3; 4, 21-25, 41). За исключением “дерева” они расположены рядом на одной стене. В рис. 3, 21 можно предположить изображение оленя или шамана с головным убором с рогами. Подобные головные уборы шаманов или жрецов, связанные с древнейшим тотемным культом оленя, известны как в глубокой древности, например рисунок в пещере “Трех Братьев” во Франции (40-10 тыс. лет до н.э.) [7, с. 369], так и в более позднее время, вплоть до XX в., например в Бурятии [8, с. 146-147]. Явно не случаен набор изображений представителей живой природы: человек (рис. 3, 25), олень (рис. 3, 26), пчела (рис. 3, 23), муравей (рис. 3, 24), цветок (рис. 4, 41) и дерево (рис. 3, 22). Рядом находились и два символа, не поддающиеся расшифровке (рис. 3, 26, 27). С известной долей фантазии, в них можно видеть плоды с семенами. Сочетание рисунков кораблей, животных и растений в культовых целях не редкость. Они наносились в зависимости от объекта и целей совершения обряда. Причем такие изображения, вероятно как отголоски древних религиозных ритуалов, мы встречаем даже в культовых помещениях монотеистических религий. Например, граффити в мечети XV в. “Имарет Джамилы” (Болгария) [15, с. 78, 87, 89] и в вышеупомянутых средневековых христианских храмах.

Третья группа петроглифов представлена символами (рис. 3; 4, 2, 3, 16-20, 28, 29-40, 42-53). Большинство из них – кресты (рис. 3; 4, 2, 3, 16-20, 30-39, 43, 45), которые, как и граффити второй группы, не могут быть датированы. Основная часть упомянутых петроглифов сконцентрирована на западной стене пещеры и прочерчена одновременно. Символические изображения креста известны издревле и у различных народов являлись религиозными, охранительными знаками, символизирующими одухотворенные явления природы в анимистических культурах, атрибуты божеств или чаще – являлись символами плодородия или четырех концов света [25, с. 138; 17, с. 299, 517 и др.]. Например, у языческих славян крест символизировал концы света или земной огонь [17, с. 48; 20, с. 58]. Аналогичные кресты – типа “крест Антония”, “греческий”, “салтир”³, или два последних в круге и квадрате, широко используются в христианстве. Одновременно в средневековом Крыму и в целом в Восточной Европе известны аналогичные тамгообразные знаки [6, с. 150-151, табл. XX, XXIV-XXV, XXVII, XXX]. Они могли иметь прямое отношение как к греческому, гото-аланскому населению Таврики, так и к тюркским народам.

Среди данной группы рисунков на западной стене выделяется символ из трех одинаковых окружностей, увенчанных крестом (рис. 4, 29). Три соединенных кольца обнаружены и на восточной стене пещеры (рис. 4, 47). Они представляют собой конструкцию, состоящую из трех “колес” или “солнечных” знаков и неправильного ромба,

² Консультации даны ведущим научным сотрудником ИМП Госкомгеологии Украины, к.г.м.н. Ю.И.Шутовым.

³ Названия даны условно по современной христианской символике.

заполненного параллельными штрихами. Элементы рисунка соединены тремя вертикальными линиями. В христианской Европе три переплетенных одинаковых геометрических знака обычно символизировали Троицу [21, с. 160]. На Востоке три переплетенных геометрические фигуры означали мистическое триединство человеческого начала: энергии, семени и духа, либо составные части макрокосмоса: Небо, Земля, человек. В Восточной Европе три соединенных солнечных колеса означали утро, полдень и вечер, что связано с легендами и культом Аполлона – Дажьбога – Митры [17, с. 343-346.]. Три соединенных в связке кольца характерны также для скандинавских рунических ставов и в разной интерпретации являются защитными (рис. 6) [11, с. 106]. Появление в средневековой Европе магии рун, как правило, связывают с племенами, пришедшими из Северного Причерноморья. Подтверждением тому, что рунические магические символы были известны в средневековой Таврике, является находка камня с изображением креста в круге и рунами на горе Опук [4, с. 77-97; 28, с. 205-207].

В то же время обращает на себя внимание вертикальное размещение рисунка. Поэтому, мы склонны в данном изображении видеть “солнца” трехъярусного мира: небесного, земного и подземного [10, с. 177-179]. Например, у кельтов подземный мир играл огромное значение в мифологии. Именно здесь обитал Бог плодородия и Богиня Мать Земли, здесь была истина познания. Аналогичные легенды известны у славян и германцев. В пользу данной гипотезы говорит и изображение (рис. 4, 47) центрального “солнца” на фоне ромба, который издревле символизировал землю, поле нашего мира. В верхнем и среднем “солнце” четко видны прочерченные лучи-спицы, чего практически нет в его “подземной” противоположности. Не исключено, что отсюда и венец крестом верхнего “солнца” на рис. 3, 29. В обоих случаях подчеркнута связь и единство миров. В данном смысле мы можем трактовать и рис. 3, 21, ранее предположительно интерпретированный нами как “человек-олень”. Здесь также можно видеть нижнюю фигуру с точками (земля, подземный мир) и два солярных знака земного и небесного мира, завершаемых изображением древа жизни, древа познания, упоминаемого в большинстве языческих легенд народов Евразийского континента.

Если гипотеза о культовом назначении символов верна, то понятно и их размещение в пещере, представляющей собой вертикальный карстовый “колодец”. Она могла рассматриваться как “контактное место”, вход в подземный мир. Проведение магических обрядов, например, у тех же кельтов, связанных с культом Великой Матери-Земли, предусматривает наличие священных колодцев или колодцеобразных пещер [10, с. 170]. Аналогично и у других народов, включая Древнюю Грецию, вход в царство Аида располагался в глубоких пещерах.

В пользу гипотезы о возможной связи отдельных символов в пещере Студенческая с магической практикой говорит и рис. 4, 45. Знак “η” или “uguz” означает мужское и женское начало, мощь, которая не возможна без компонента силы. Здесь усиливающим компонентом выступает крест. Обычно, подобные магические символы использовались при восстановлении сил больными и немощными [21, с. 134]. Кроме того, указанный символ, равно как и изображенный на рис. 4, 43, в средневековой магии использовался как защищающий от всякого рода зла и “сглаза” [11, с. 107, 99]. На рисунках 3, 16, 17, 20, 21, 35 и 4, 36 крест традиционно для большинства архаичных верований изображен в магическом квадрате или круге. В пользу нашего предположения о культовом назначении символов в пещере Студенческая говорит и рис. 4, 49. По всем признакам, это утроенный (усиленный) магический символ “Teiwaz–Tyr”, означающий личную жертву, силу и победу над злом. Можно предположить, что символ на рис. 4, 52 в виде вертикальной линии пересеченной тремя двойными горизонтальными штрихами является усиленной в три раза руной “ass”, “бог”, “опора” [21, с. 80]. Вероятно, к числу ставов, т.е. комбинации из нескольких магических символов, можно отнести и сложные изобразительные конструкции на рис. 3, 2, 3, 18.

Символы на рис. 4, 46, 50, 53 также отдаленно напоминают “солнечные” [5, с. 100; 6, с. 99, табл. XVI]. Представляют интерес и рисунки 4, 46, 58, 51. Фигуры контурно ограничены, разделены на части, а внутри вырезаны небольшие точки-ямочки. Обычно геометрические фигуры с точками символизировали засеянное поле [17, с. 49] и характерны для земледельческих культов. Изображения же на рис. 3, 28 и 4, 40-42, 44, 46, 48, 51, 53 нам пока придется оставить без комментариев, как не поддающиеся расшифровке. Либо это тамгообразные родовые знаки собственности на пастбище⁴, либо, как предполагал В.С. Драчук, они имели магическое значение [5, с. 70].

Фамильная тамга широко применялась кочевниками и оседлыми племенами не только для метки предметов быта, но и мест ловли рыбы, каменоломен, пастбищ, леса, пахотных земель и других угодий [14, с. 179, 187, 189]. Причем тамгообразные знаки, имеющие в основе изображение двузубца, получают широкое распространение в средневековье [6, с. 91]. Аналогичные изображения встречаются, например, у кабардинских тюркских племен [1; 26; 27] и, наконец, проявляются в начертании “княжеских знаков” Древней Руси [6, с. 90-93]. Особенностью двузубцев, начиная с X–XII вв., является укороченный стержень [5, с. 91]. В числе известных нам средневековых знаков близкие по конструкции “лепестки” двузубцев прослеживаются только в “знаках Рюриковичей”. В то же время, эти знаки имеют прямоугольную форму. Аналогичные типы известны среди тамгообразных знаков западно-кавказских горцев [27, рис. 101, 225, 228, 232, 266, 300, 225, 101 и др.]. Однако, тамги в виде “цветка”, суженого к основанию, наблюдаются редко [26, рис. 9, 173, 205]. В числе татарских знаков Крыма подобную конструкцию имеет лишь один [6, табл. XXIV, рис. 6]. Необходимо отметить, что все приведенные аналогии двузубцев не имеют замыкающей линии сверху. Системы средневековых тамгообразных знаков Крыма сегодня изучены слабо. Кроме того, каждая отделившаяся семья вносила свой элемент в предшествующий родовой знак, сохраняя при этом лишь его основу. Первоначальная тамга оставалась только у наследника, занявшего главенствующее положение среди родственников. В итоге, через несколько поколений родовые знаки настолько преобразались, что установить первоначальную родовую принадлежность представляется затруднительным.

Группа знаков символизировала единство “смерть–рождение” [21, с. 45-73]. Известен похожий по форме скандский став “hagall” (град) для защиты лошадей от мора, хромоты, похищения и ряд других [11, с. 107, 110, 127]. Вместе с тем, элементы различных знаков встречаются в комбинированных символах магического “сна” и как “дорожный указатель”, не позволяющий путнику заблудиться [11, с. 124, 128]. Около озера Эгиз-Тинах и у истоков реки Алачук нами в процессе археологических разведок обнаружены следы наиболее крупных сезонных стоянок охотников и пастухов.

Если в пещере Студенческая датирующим материалом послужили изображения кораблей и косвенно степень закарстованности, то при проведении археологических разведок многочисленных памятников яйлы мы обратили внимание на следующую особенность. Большинство находок либо соответствуют различным периодам каменного века и ранней бронзы и представлены кремневыми орудиями труда и фрагментами лепной керамики, либо это были обломки гончарных, часто поливных сосудов XIV–XVI вв. Мелкие невыразительные фрагменты керамики, которые могли относиться к промежуточным периодам, нами обнаружены только в узловых точках древней дороги, которая соединяла степь с побережьем. Если в античный период Караби-яйла являлась границей между кочевым и оседлым миром, то в средневековье, после прихода в Крым татаро-монгол, данная зона стала безопасной и активно использовалась в хозяйственных целях. Отсюда и наша гипотеза об использовании Караби-яйлы как пастбища в средневековый период

⁴ Название нагорья тюркского происхождения: кара – черный, злой, земля, возвышенность; бий (бей) – властелин, повелитель, хан, большой. Сочетание слов может означать “возвышенная земля”, либо “земля властелина (бея)”.

населением побережья. Косвенно это подтверждают развалины многочисленных стен, заграждающих возможные пути ухода скота с яйлы, и изображения позднесредневековых кораблей в пещере.

Еще один вопрос, требующий осмысления – функциональное назначение памятников. Прежде всего, пещеры Студенческая и соседняя Большой Бузулук⁵, в которых круглый год сохраняется снег и лед, могли являться источниками воды для стад. Вода также была в одной из доступных пещер около горы Карчигалы II. Перечисленные объекты на почти безводном плато, бесспорно, использовались в хозяйственных целях.

Проведение магических ритуалов в отдаленной от цивилизаций местности вполне оправдано тем, что на побережье к XIV–XVI вв. уже утвердилась христианская церковь и позже – ислам, отрицательно относящиеся к “языческим” культам. В то же время, “двуверие”, сохранение древних культов и их сочетание с христианством, как это показывает история Древней Руси, вполне объяснимо и, более того, характерно для средневековья. Подтверждением тому известно Тиуновское святилище в Вологодской области, датированное XIV–XVI вв. и сочетающее языческие и христианские символы. Кстати, некоторые петроглифы на культовом камне данного святилища, включая изображение корабля, близки описанным нами выше [13]. Одновременно надо учитывать, что население Крыма постоянно пополнялось многочисленными пришлыми народами. Магическая символика, на анализе которой мы остановились, вероятно, имеет отношение к готам или алано-сарматскому населению, осевшему в горных районах полуострова [19]. Отсюда и близость к магическим символам и обрядам славян, средневековых Скандинавии и Исландии. Процесс познания окружающего мира шел идентично у большинства народов мира, следовательно, символы отражали естественные явления, возведенные в разряд магических. Этническая, культурная общность ряда европейских народов, часть которых при продвижении не миновала Крым, подчеркивается и в известной Книге Велеса [24]. Последняя, несмотря на неугасающие споры о ее достоверности, дает подробную информацию о близких религиозных культах славян, готов и алан. Вся доступная к пониманию изобразительная символика памятников имеет защитные функции, непосредственно связана с солярным земледельческо-скотоводческим культом. Не исключено, что изображения кораблей в пещере Студенческая имеют отношение и к проведению обрядов магической защиты мореплавателей.

Что касается используемого нами термина “святилище”, то под ним не обязательно понимать какое-либо сооружение [22, с. 16-17]. В европейских средневековых судебных инквизициях в отношении колдунов и магов употребляется термин *ûti-senig*, что переводится как “сидеть вне дома под открытым небом” [11, с. 12]. Таким образом, общение с духами предполагало открытую, обычно пустынную местность (площадку, скалу, грот), где проводился ритуал заклинаний, черчения магических символов, гадания, реже – жертвоприношения. Особенности проведения подобных ритуалов исключают и возможность образования фиксируемого культурного слоя. Именно такое святилище могло быть расположено на Караби-яйле в пещере Студенческая и близ горы Карчигалы II.

В процессе археологических разведок южной и юго-восточной части Караби-яйлы обнаружено пять сезонных стоянок охотников и скотоводов, в т.ч. две наиболее крупные.

Стоянка 1 (рис. 1,3) расположена у подножия хребта Кермеч-Хатмер, около озера Эгиз-Тинах. Подъемный археологический материал встречается на протяжении километра к югу от озера. Не исключено, что мелкий водоем, находящийся здесь в настоящее время и возникший как естественный водосборник, существовал и в древности.

⁵ В.С. Драчук в книге “Шаг в неведомое” упоминает сарматский знак в гроте слева от входа в пещеру Большой Бузулук. Однако мы его не нашли. Возможно, он не сохранился, так как часть стен обвалилась.

На берегу озера и склонах соседних холмов обнаружены многочисленные отщепы и изделия из кремня. Учитывая, что естественных выходов кремня в данном регионе нет, то можно говорить только о месте обработки материала. Инвентарь представлен кремневыми изделиями, включая взятый в коллекцию скребок светло-серого цвета, имеющий две заостренные грани со следами ретуши, скребковидную пластинку черного цвета с ретушью по краям (рис. 5,1,2), обломки двух кремневых наконечников стрел, имеющие в разрезе трапециевидную форму и ретушь в передней рабочей части (рис. 5,3,4). В числе находок два терочника из песчаника диаметром 5 и 10 см (рис. 5,7,8), фрагмент лепного керамического изделия, возможно, ручки сосуда оранжевой глины (рис. 5,5,6) и мелкие фрагменты стенок лепных сосудов серо-коричневого цвета. Указанные находки могут относиться к неолиту, но в равной степени и к более позднему времени периода бронзы. Одновременно, на данном участке, на площади около 800 кв. м, среди подъемного материала встречаются невыразительные фрагменты стенок гончарных сосудов красной глины с включениями песка позднесредневекового периода. В тонком культурном слое при визуальном осмотре долговременных построек не выявлено.

Стоянка 2 (рис. 1,4) расположена в районе трех источников, дающих начало р. Алачук (или другое название – р. Хун)⁶. Подъемный материал можно разделить на две группы. Первая представлена вымытыми из тонкого культурного слоя кремневыми отщепами, нуклеусом светло-серого цвета (рис. 17, 1), скребковидными пластинами с обработанными заостренными краями или четко выраженной ретушью в рабочей части (рис. 7,8-14; 8,4-14; 17,2), ножевидными пластинами (рис. 8,1,2,15-38; 17,3,4), большинство из которых в разрезе имеет форму трапеции, проколкой (рис. 8,3) и многочисленными наконечниками стрел или их обломками (рис. 6; 7,1-10,15-20; 17,6). Среди кремневого инвентаря выделяется наконечник стрелы с вогнутым основанием, характерный для катакомбной культуры (рис. 17,7) и обломок наконечника копья (рис. 7,5). В культурном слое кремневый инвентарь сопровождается мелкими фрагментами пористой лепной керамики серо-коричневого цвета. Таким образом, находки из стоянки 2 идентичны обнаруженным на стоянке 1. Единственный наконечник стрелы с вогнутым основанием позволяет лишь предположить принадлежность стоянки к катакомбной культуре.

Вторая группа находок представлена фрагментами гончарных сосудов. Среди них венчики, стенки и поддоны широкогорлых плоскодонных кувшинов оранжевой, красной и красно-коричневой глины с включением песка (рис. 9,1-8,10-13,20,22-26), уплощенные или эллипсоидные ручки (рис. 9,14-18). Подобные типы сосудов характерны для XIV–XVI вв. Исключением является ручка сосуда треугольной в разрезе формы белой глины (рис. 9,19), венчик поливной миски типа пиалы коричневого цвета, украшенный врезными линиями (рис. 9,9) и фрагмент керамической курительной трубки с орнаментом на мундштуке (рис. 9,21). Последние две находки вписываются в указанные временные рамки. Изделия из металла представлены фрагментом согнутой узкой медной пластинки, заготовкой для изготовления наконечника стрелы из железа и подковами характерными для парнокопытных животных.

В тонком культурном слое, общей площадью около 1 тыс. кв. м, насыщенном фрагментами средневековой керамики, выявлено семь пятен прокаленной глины толщиной не более 5-8 см, очевидно следов кострищ. Однако какой-либо материал в прокаленном грунте отсутствует. Следов долговременных построек также не выявлено. В целом тонкий культурный слой нарушен оползнями и размывает в процессе образования оврага.

Таким образом, в южной и юго-восточной части Караби-яйлы выявлены памятники двух периодов. Первый относится к неолиту, или, что более вероятно, к бронзовому веку. Более точно выделить культуру по столь ограниченному материальным находкам не представляется возможным. Второй период – XIV–XVI вв. Оба памятника не имеют следов

⁶ Хун – река, водоем (иран.), алачук – шалаш (тюрк.) [3, с. 22, 132].

долговременных сооружений, многолетнего слоя кострищ или очагов. Они могли являться только сезонными стоянками охотников и пастухов. Важно отметить, что среди собранного материала отсутствуют находки промежуточных веков. В то же время О.И. Домбровский упоминает о нескольких фрагментах пифосов и амфор VIII–X вв., обнаруженных им в развалах “длинных стен” перевала Чигенитра-богаз [23, с. 35].

В процессе археологических разведок юго-восточной части Караби-яйлы обнаружены следы еще трех небольших стоянок. В районе “домика Крубера” (рис. 1, 5), на расстоянии 1,25 км к юго-востоку от метеостанции обнаружены кремневые отщепы, шесть скребловидных пластин со следами ретуши на рабочей части, три ножевидные пластинки, шесть наконечников стрел и нуклеус. Здесь же встречаются невыразительные фрагменты стенок лепной керамики серо-коричневого цвета и фрагменты средневековой черепицы-каллиптеры. Площадь тонкого культурного слоя не превышает 200 кв. м. Два кремневых скребка, обломок наконечника стрелы, кремневые отщепы, фрагменты средневековой черепицы-каллиптеры и три железные подковы обнаружены в районе безымянного естественного водосборника и родника около пещеры “Новая Сталактитовая” на расстоянии 1 км к юго-востоку от озера Эгиз-Тинах. Площадь обнаружения находок не превышает 150 кв. м. Поднятый инвентарь аналогичен стоянкам 1 и 2. Таким образом, около всех источников воды юго-восточной части Караби-яйлы отмечены стоянки неолитического периода или эпохи бронзы, а также средневековья.

При исследовании восточного склона Караби-яйлы, к юго-западу от с. Красноселовка, нами осмотрены развалины средневекового поселения у истоков р. Западная Танас (рис. 1, 6). Поселение занимает площадь не менее 1,5 тыс. кв. м и расположено на возвышении левого берега реки. Благодаря корням деревьев и отдаленности от основных дорог и населенных пунктов, хорошо сохранились стены не менее 16 построек на высоту от 0,5 до 2,0 метров и крепиды дороги, ведущей в поселок. В центре и западной оконечности поселения бьют родники. Причем центральный источник был благоустроен. Здесь сохранились фрагменты керамических труб красной глины и на размытых участках грунта встречаются фрагменты поливной керамики, характерной для XIV–XVI вв. Около западного родника при осмотре одной из построек обнаружен обломок обработанного известнякового камня размером 20x20 см с нишей внутри и остатками прочерченной надписи на оборотной стороне “...туттl”. Здесь же обнаружены и фрагменты двух соединяющихся обломков литейной формы размерами 84x34 см, толщиной 22 см (рис. 10). Обе находки, ввиду недоступности для транспорта, пришлось оставить на месте.

На возвышенности, к западу от памятника прослеживаются относительно ровные участки полей, ограниченные стенками, сложенными из дикого камня, которые вероятно использовались жителями поселка в хозяйственных целях. Границы владений сельской общины ограничены стенами, расположенными на перевалах с севера и юга, а также в балке, в двух километрах ниже по течению реки. Стены сложены из дикого местного камня и перегораживали участки, доступные для проезда. Высота и ширина сооружений до одного метра.

Окрестности г. Судака

В 1999–2003 гг. нами продолжены археологические разведки в окрестностях Судацкой крепости. Одним из объектов исследования стал известный, единственный в регионе, вырубленный в скале храм, расположенный на берегу моря у подножья горы Сокол (рис. 13, 4). Он хорошо виден с дороги из г. Судака в пос. Новый Свет. Южная половина помещения давно обрушилась, и доступ в оставшуюся часть был возможен при наличии спелеологического снаряжения. Ввиду природного воздействия разрушение оставшейся части храма продолжается, однако обмеры данного памятника ранее не проводились.

Храм ориентирован на восток с небольшим отклонением к югу (рис. 14). Оставшаяся часть помещения имеет общую длину 6,5 м. На расстоянии 1,5 м от восточной стены

алтарная ограда обозначена сохранившейся подружкой правильной прямоугольной формы. Вдоль восточной стены вырублены две ступени шириной по 26 см и в центре – ниша глубиной от 5 см по краям до 15 см в центре, шириной 1,3 м и высотой 1,6 м.

Пол помещения почти полностью разрушен в результате природного воздействия. Вход в храм обозначен в центре с южной стороны храма тремя вырубленными ступенями шириной 25 см и высотой около 10 см. Над верхней ступенькой на высоте 15 см едва прослеживается контур полукруглой в верхней части ниши высотой 50 см и шириной 30 см.

Вдоль северной стены фрагментами сохранился выступ высотой около 40 см и шириной 25 см. В стене сохранились следы контура углубления высотой 1,4 м и шириной 5 м, в алтарной части высота составляет 2,8 м. В нижней части стены, в 20 см к западу от алтарных ступеней, также видны контуры ниши высотой 30 см и шириной 85 см. В верхней выпесанной части северной стены, сохранившейся на высоту около 6 м, на различной высоте вырублены два креста. Вдоль западной стены также частично сохранился указанный выступ и на высоте 1,8 м от уровня пола вырублен крест размерами 35x20 см. Южная часть храма полностью разрушена. Со слов местных жителей, ранее у подножья скалы, западнее памятника прослеживались следы подрубок помещений, которые вероятно были связаны с храмом, но ныне они не сохранились.

Внутри храма культурный слой отсутствует. На осыпи и между обломками обрушившейся скалы встречаются невыразительные фрагменты гончарных сосудов: кувшинов оранжевой глины и поливных тарелок зеленого и коричневого цветов, которые имеют широкую дату от XII до XVI вв. Таким образом, можно предположить, что данный храм, как и большинство христианских культовых объектов в Судаке, был сооружен не ранее XII–XIV вв. и не исключено, что он являлся частью небольшого монастырского комплекса.

На седловине между горами Сокол и Перчем нами обнаружен средневековый христианский монастырь. Памятник расположен на небольшом, образованном двумя глубокими балками мысу почти в центре седловины. С запада доступ осложняет скалистый обрыв, с юга и востока – крутая осыпь. С севера вход на площадку ограничен невысоким скальным выступом. Попасть к монастырю можно свернув влево примерно через 200 м после подъема с тропы, ведущей, как и древняя дорога, от пос. Уютное (Судак) в с. Веселое (рис. 15). Выступающие части фундаментов построек монастыря подвергаются постоянному разрушению отдыхающими, использующими камни из кладок для устройства кострищ и временных мест отдыха.

Площадь культурного слоя памятника ограничена ровной естественной площадкой не более 500x250 м и его глубина не превышает 1-1,5 м. В северо-западной части мыса в зарослях дуба четко прослеживаются фундаменты храма, жилых и хозяйственных пристроек. Храм имеет в плане прямоугольную форму длиной 6 м и шириной 2,5 м. Апсида ориентирована на восток и имеет радиус 1 м. Стены толщиной 0,5-0,6 м сложены из дикого камня местных пород. В развалах встречаются обломки обработанных архитектурных деталей из капсельского ракушечника, включая замковые камни из арок. Помещение храма, вероятно, было разделено на две части. С северо-востока, юга и юго-запада к храму примыкают постройки, прослеживаемые по четырем выступающим фрагментам каменных кладок аналогичной толщины и сложенных из местных строительных материалов. Источником воды является небольшая горная речушка, текущая в западной балке. В ее русле обнаружены фрагменты кувшинов. В засушливое время источником воды, вероятно, был фонтан, расположенный около тропы примерно через 1,5 км к северу от монастыря. Среди отдельных находок невыразительные фрагменты черепицы-керамиды, плоскородных кувшинов и иных сосудов красной глины, характерных для X–XIV вв. В то же время, нами не обнаружено фрагментов поливной керамики. По размерам, архитектурным особенностям и времени данный памятник аналогичен ранее нами исследованному монастырю на южном склоне горы Перчем и входит в комплекс христианских культовых сооружений в округе Судакской крепости.

К северо-востоку от горы Перчем между пос. Сосновый Бор и поселком хозяйства "Долина Роз", в километре от современной дороги Судак – Веселое, нами обнаружены фундаменты построек еще одного средневекового христианского монастыря (рис. 11, 7, 16). Не исключено, что древнее название долины "Ай-Савская" непосредственно связано с данным памятником. Монастырь, несмотря на большую площадь культурного слоя, подвергался неоднократным разрушениям. Во время Второй мировой войны он был частично разрушен немецко-фашистскими оккупантами при строительстве блиндажей, окопов и укрытий артиллерийского подразделения. В наше время большая часть культурного слоя нарушена или вообще уничтожена плантажными вспашками при посадке лаванды.

В западной части распаханного холма едва прослеживаются остатки фундаментов храма, ориентированного на ССВ и сложенного, как и большинство местных построек, из необработанных камней сланца. На южном склоне и проселочной дороге встречаются многочисленные фрагменты керамики: гончарных плоскодонных кувшинов красной глины с уплощенными или овальными ручками, некоторые с зеленой поливой, фрагменты стенок поливных мисок и тарелок красной глины желтых и коричневых цветов с врезным геометрическим или растительным орнаментом. Вся керамика характерна для X–XIV вв. Одновременно, на дороге и около нее найдены мелкие фрагменты костей. Со слов местных жителей, при распашке поля и расчистке дороги в конце 70-х – начале 80-х годов XX века здесь было разрушено несколько грунтовых могил с плитовыми перекрытиями, а к западу от холма был найден пифос. Последнее подтверждается наличием к западу и северу от холма фундаментов небольших построек из местного камня, фрагментами средневекового трубопровода и керамикой. К северу, около тропы в срезе грунта прослеживается слой прокаленной почвы и глины. В двухстах метрах к западу от храма находится действующий колодец, укрепленный сверху монолитным камнем с крутым отверстием и каменной крышкой.

Все три описанных объекта возникли в промежутке между X–XIV вв. и входят в единый комплекс христианских памятников, расположенных на склонах горы Перчем.

При исследовании окрестностей Судака на южном склоне горы Перчем нами обнаружен памятник, связанный с хозяйственной деятельностью – каменоломня, где изготавливались жернова. Она расположена к ССЗ от крепости на расстоянии чуть более километра, почти у вершины горы. Настоящий мыс отделен глубокой балкой от одной из вершин, на которой в 1980-х годах был исследован средневековый монастырь (рис. 11, 8). Территория мастерской занимает весь небольшой склон, который "усыпан" обломками камня и браком от результатов практической деятельности. План расположения наиболее крупных обломков жерновов мы представили на рис. 17. По многочисленным находкам легко прослеживается весь технический процесс их изготовления. Растрескавшиеся относительно плоские обломки скалы подвергались предварительной обработке путем скола крупных лишних частей. После этого по поверхности прочерчивался круг, и камень обрабатывался до нужной толщины. В центре прорубалось отверстие, и только после этого лишняя по толщине часть заготовки обрубалась, а поверхность шлифовалась. Учитывая свойства породы, заключительная стадия обработки была не всегда удачной. Диаметр заготовок, обломков и завершенных изделий колеблется от 25 см до 1,6 м (рис. 16). Наиболее крупные образцы обнаружены в расщелинах балок, куда они скатились при доставке по крутым склонам, а также вдоль древней, уже упомянутой выше дороги, ведущей из Судака в сторону современных поселков Веселое и Новый Свет.

Какого-либо датирующего материала в районе каменоломни и мастерской не обнаружено. Вероятно, работы здесь велись по мере необходимости, и долговременных построек не существовало. В то же время, можно предположить, что мастерская использовалась длительное время. Большинство жерновов, обнаруженных в средневековых слоях как Судацкой крепости, так и в окрестностях, судя по внешним признакам породы, изготовлены в данной мастерской.

Подводя итоги археологических разведок, проведенных в Юго-Восточном Крыму в период 1999–2003 гг., можно отметить следующее:

1. Все выявленные стоянки Караби-яйлы находятся рядом с действующими источниками воды и относятся к неолиту, периоду бронзы и средневековью. Средневековая керамика, обнаруженная на стоянках, датируется XIV–XVI вв.

2. Пещера “Студенческая”, как источник воды и объект хозяйственной деятельности, могла использоваться скотоводами побережья, что не исключает параллельного культового назначения памятника, т.е. наличия святилища, функционирующего в период “двуверия”. Анализ петроглифов и степень закарстованности позволяют ограничить дату их нанесения XIV–XVI веками.

3. На перечисленных памятниках, равно как и всей обследованной юго-восточной части Караби-яйлы, материала промежуточных периодов не выявлено. Исключением являются фрагменты керамики VIII–X вв., которые упоминает О.И. Домбровский, описывая “длинные стены” на перевалах Таш-хабах, Чигенитра-богаз. Сами же стены указанным автором были датированы VI в. и охарактеризованы как оборонительные сооружения страны Дори. Повторно рассмотрев данные объекты, мы склонны видеть в них и многочисленных подобных сооружениях в регионе обычные межевые стены и заградительные барьеры для пасущегося скота. Можно предположить, что Караби-яйла интенсивно использовалась охотниками неолита и скотоводами периода бронзы. Однако в античный и раннесредневековый период, являясь естественной границей, или точнее нейтральной полосой между кочевниками и оседлым населением побережья, она утратила свое значение как пастбище. Только с образованием на полуострове Крымского ханства, возможно уже после установления зависимости от Османской империи, яйла вновь стала использоваться как пастбище. Это подтверждают многочисленные находки средневекового материала XIV–XVI вв. на сезонных стоянках около всех известных источников воды и наличие позднесредневекового поселения в верховьях р. Западная Танас.

4. Разведки в окрестностях Судака позволили пополнить перечень средневековых памятников хозяйственным объектом и монастырями. Касаясь последних, можно предположить, что на склонах г. Перчем в период X–XIV вв. существовал целый комплекс небольших обителей с общинами численностью не более десятка человек. Из 8 средневековых монастырей, известных в окрестностях Судака, 7 находится на склонах указанной горы. Причем мы более чем уверены, что данный список в последующем будет пополнен при более тщательном исследовании района. По архитектурным особенностям и материалу все монастыри можно уверенно отнести к памятникам X–XIV вв., следовательно, они входили в состав Сугдейской епископии Константинопольского патриархата. Если предположить, что большинство из найденных обителей функционировали в одно время, то в данном случае мы имеем единый комплекс, памятник киновитного общежития, характерного для средневековой Восточной церкви. Особенность такой формы монашества сводится к тому, что группы мелких обителей с небольшим числом монашествующих и отдельных иноков, ведущих отшельнический образ жизни, объединялись под управлением одного киновиарха. Близким по форме организации является известный Афонский монастырь. В таком случае, мы имеем уникальный объект церковной археологии, подлежащий комплексному научному исследованию.

Наши выводы, основанные лишь на материалах визуальных разведок, могут являться только рабочей гипотезой, требующей подтверждения или опровержения в процессе дальнейших детальных исследований археологических объектов Караби-яйлы и Судака. В то же время, публикацию указанных материалов мы сочли целесообразной ввиду реальной угрозы уничтожения большинства из описанных памятников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчекраклы О. Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1926.
2. Бадер О.Н. Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части Горного Крыма // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
3. Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь, 1998.
4. Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Олук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. М., 1999. Вып. 2.
5. Драчук В.С. Шаг в неведомое. Симферополь, 1971 (Серия "Археологические памятники Крыма").
6. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
7. Елинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
8. Жуковская Н. Шаманизм: Религия? Мировоззрение? Практика? // Наука и жизнь. 1998. №8.
9. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837.
10. Кисма К. Степанич. "Древние" ирландской волшебной веры // Магические пантеоны: Божества западных эзотерических традиций / Пер. с англ. О.Перфильева. М., 2002.
11. Кораблев Л.Л. Графическая магия исландцев. М., 2002.
12. Курти О. Постройка моделей судов. Л., 1987.
13. Никитский И.Ф. Тиуновское языческое святилище // Мифы и магия индоевропейцев. М., 2000. Вып.9.
14. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Археологический очерк. Казань, 1885.
15. Овчаров Н. Разкопки и проучвания. София, 1987. Кн. XVIII.
16. Овчаров Н. Кораблостроение по болгарскому черноморскому крайбрежью (XIV-XIX в.). София, 1992.
17. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
18. Тур В.Г. К вопросу о черноморском судоходстве XV-XVI вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
19. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
20. Пить из реки жизни / Ред. И.Черкасов. М., 2000.
21. Платов А., Алекс ван Дарт. Практический курс рунического искусства. Киев, 1999.
22. Седых В.Н. Святынища, кумиры, храмы ... // Святынища. Археология ритуала и вопросы семантики. СПб, 2000.
23. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
24. Свято-Русские Веды. Книга Велеса / Перевод, пояснения А.И.Асова. М., 2001.
25. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997.
26. Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Симферополь, 1928.
27. Флицин Е. Сборник тамг или фамильных знаков западно-кавказских горцев и племени Кабертай Адигского народа // ЗООИД. Одесса, 1889. Т. XV.
28. Шалыга Д.А. Об атрибуции "рунической" надписи на стеле с горы Олук // МАИЭТ. 1999. Вып. VII.
29. Шаповалов Г.И. Корабли веры: Судоходство в духовной жизни древней Украины. Запорожье, 1997.

TUR V. G.

ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE IN THE SOUTH-EASTERN CRIMEA

Summary

The article is devoted to the results of archaeological reconnaissance on Karabi-Yaila and in the neighbourhood of the town of Sudak. The conclusions drawn on the revealed and investigated monuments are the hypothesis based on the results of visual research.

Having analyzed the symbols revealed in Studencheskaya cave, the author supposed that they can be considered as magic and were created in the period between the 14th – 15th centuries.

All the drawings were defined more accurately; they are published for the first time.

Having researched the sites of shepherds and hunters in the area of Egiz-Tinnach in the easturies of the Alachuk River, settlement in the upper reaches of the Western Tanas River and others, the author paid attention to the fact that the materials from primeval period and that of the 14th – 16th centuries prevail. The absence of finds dating to intermediate period allows us to assume that the population of the coast began to use yaila in economic activity only in the Middle Ages, not earlier than in the 14th century.

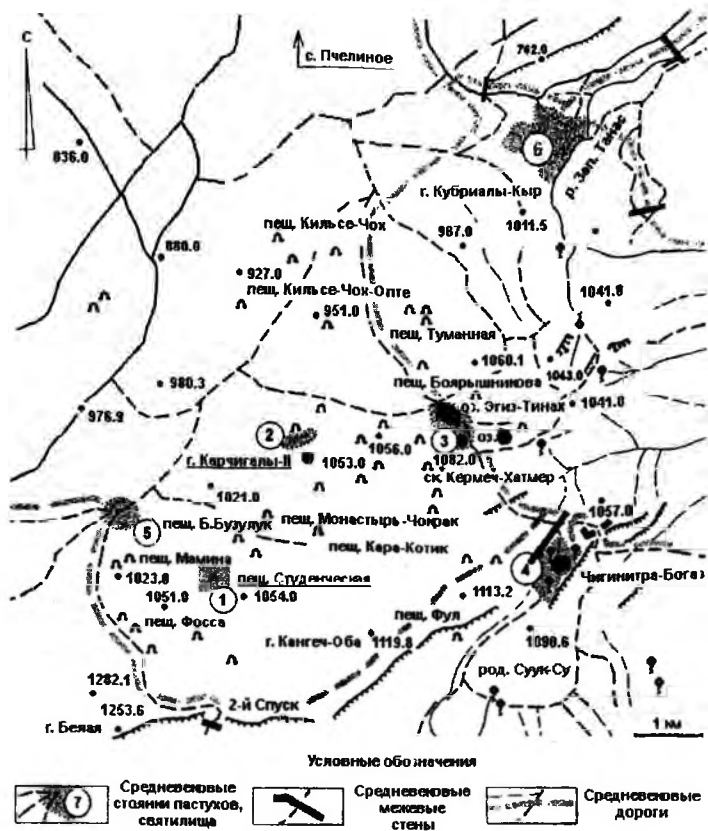

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии в юго-восточной части Караби-яйлы, исследованных в ходе разведок 1999-2003 гг.

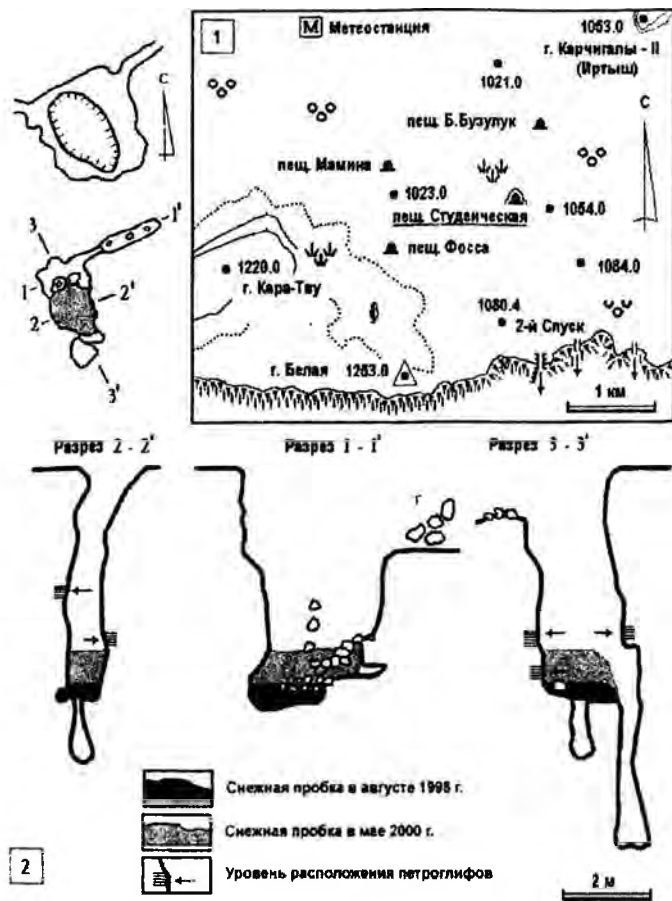

Рис. 2. Караби-яйла: 1 – План-схема расположения пещеры Студенческая; 2 – План и разрезы пещеры.

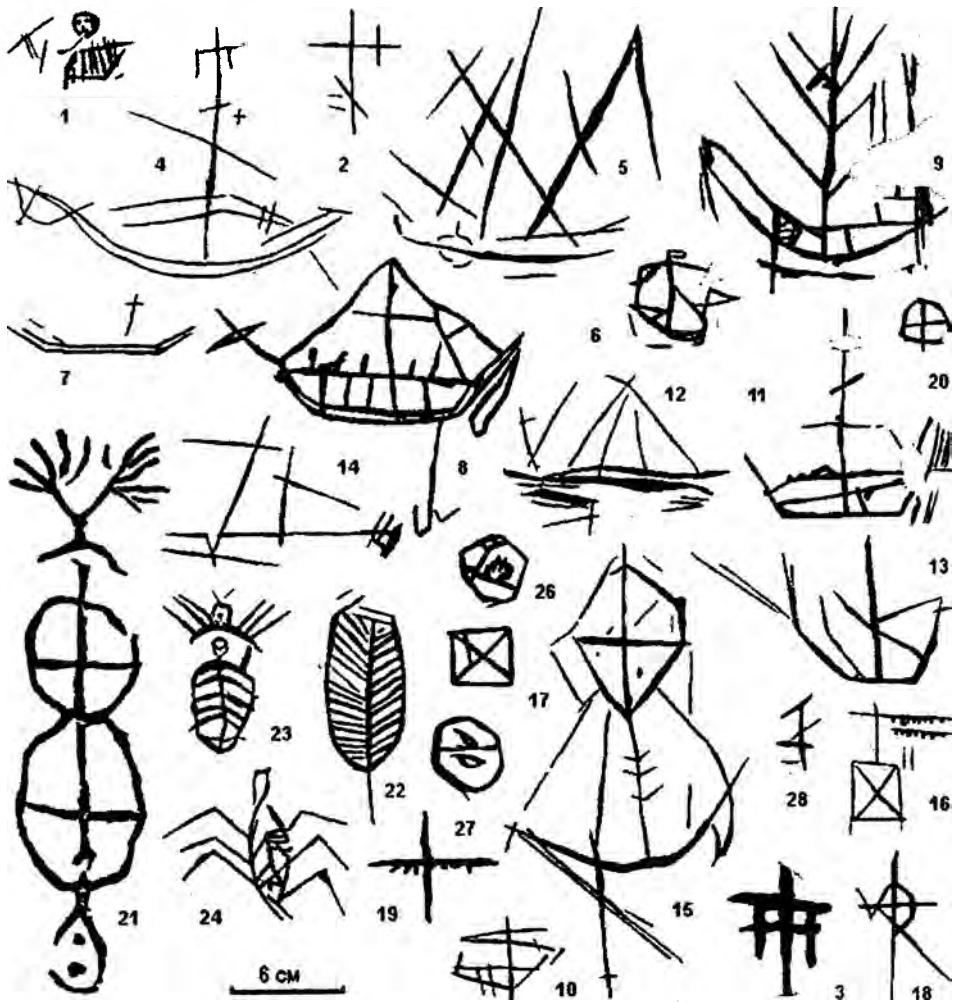

Рис. 3. Караби-яйла. Пещера Студенческая. Петроглифы.

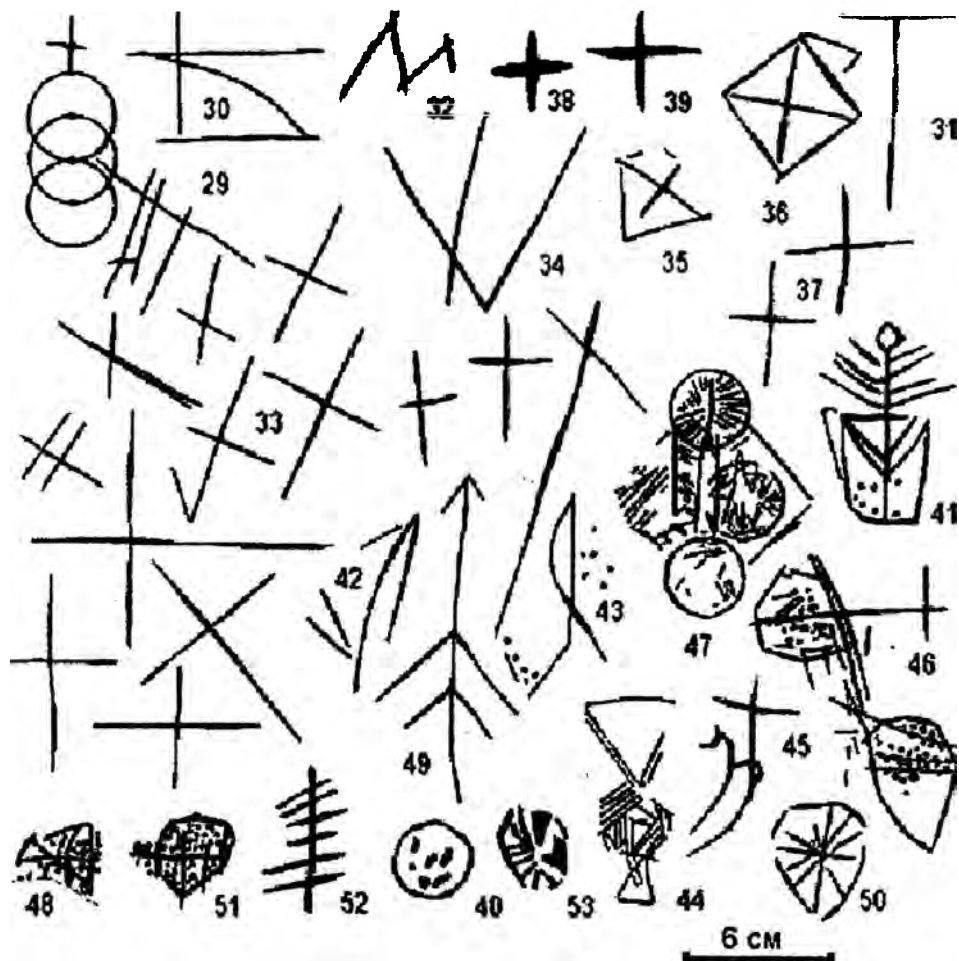

Рис. 4. Караби-яйла. Пещера Студенческая. Петроглифы.

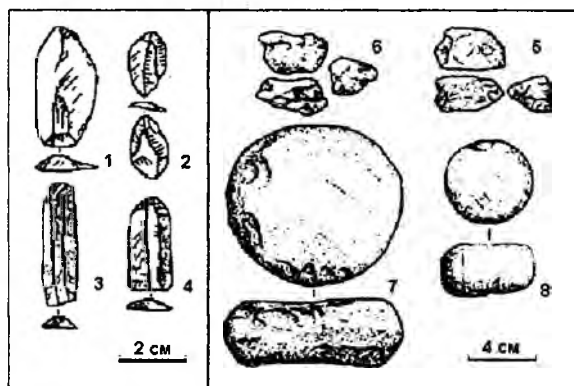

Рис. 5. Караби-яйла. Стоянка у озера Эгиз-Тинах: 1-4 – изделия из кремня; 5-6 – фрагменты лепного керамического изделия; 7-8 – каменные терочки.

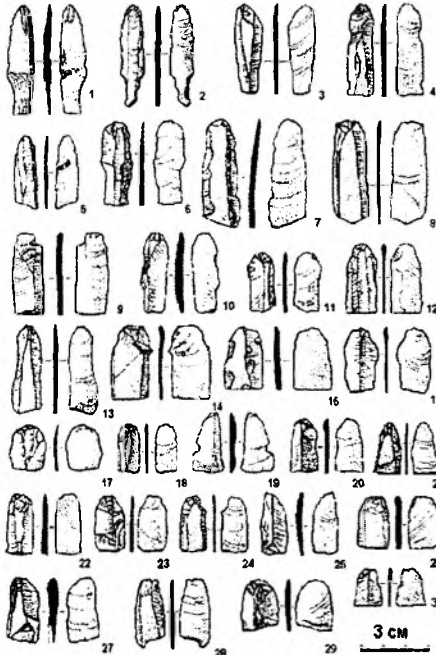

Рис. 6. Караби-яйла. Изделия из кремня со стоянки у истоков р. Алачук.

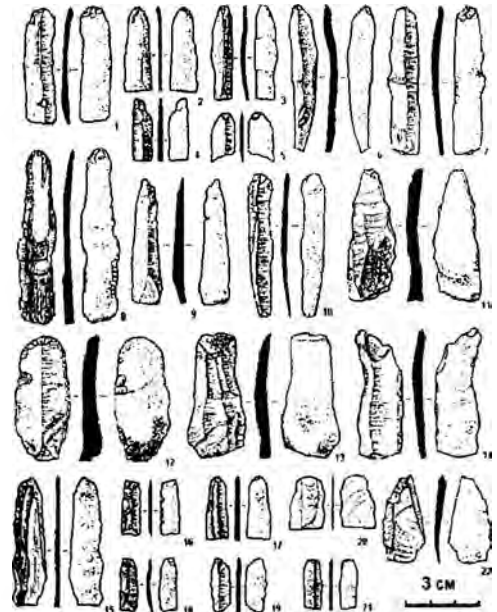

Рис. 7. Караби-яйла. Изделия из кремня со стоянки у истоков р. Алачук.

Рис. 8. Караби-яйла. Изделия из кремня со стоянки у истоков р. Алачук.

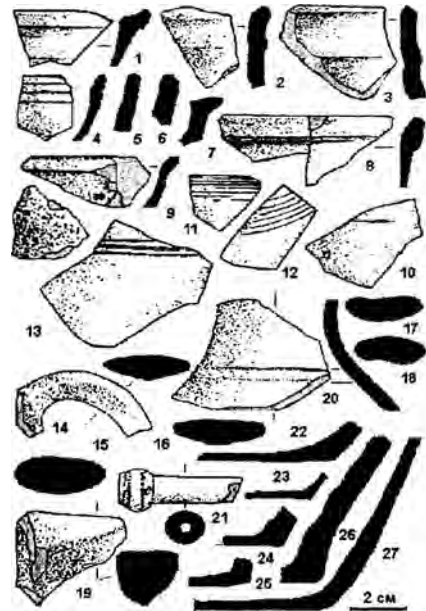

Рис. 9. Караби-яйла. Фрагменты керамических изделий со стоянки у истоков р. Алачук.

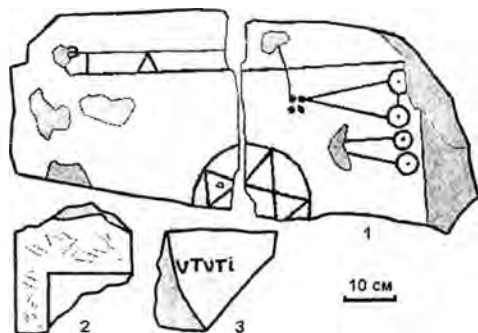

Рис. 10. Поселение на юго-восточном склоне Караби-яйлы (с. Красноселовка): 1 – фрагмент литейной формы; 2-3 – фрагменты архитектурных деталей.

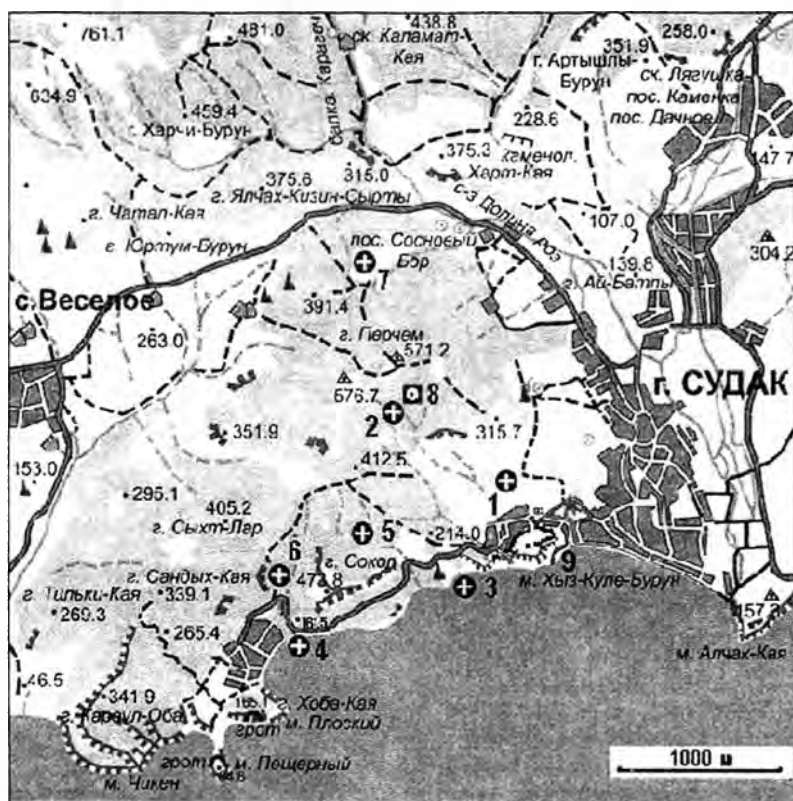

Рис. 11. Схема расположения средневековых археологических памятников в округе Судацкой крепости. 1 – Монастырь у подножья горы Перчем; 2 – Монастырь на горе Перчем; 3 – Монастырь на мысе Димитраки; 4 – Пещерный храм (монастырь) у подножья горы Сокол; 5 – Монастырь на седловине между горами Перчем и Сокол; 6 – Храм (монастырь) в Анастасьевской балке; 7 – Монастырь и поселение в Долине Роз (Айсава́нская долина); 8 – Мастерская по изготовлению жерновов на горе Перчем; 9 – Судацкая крепость.

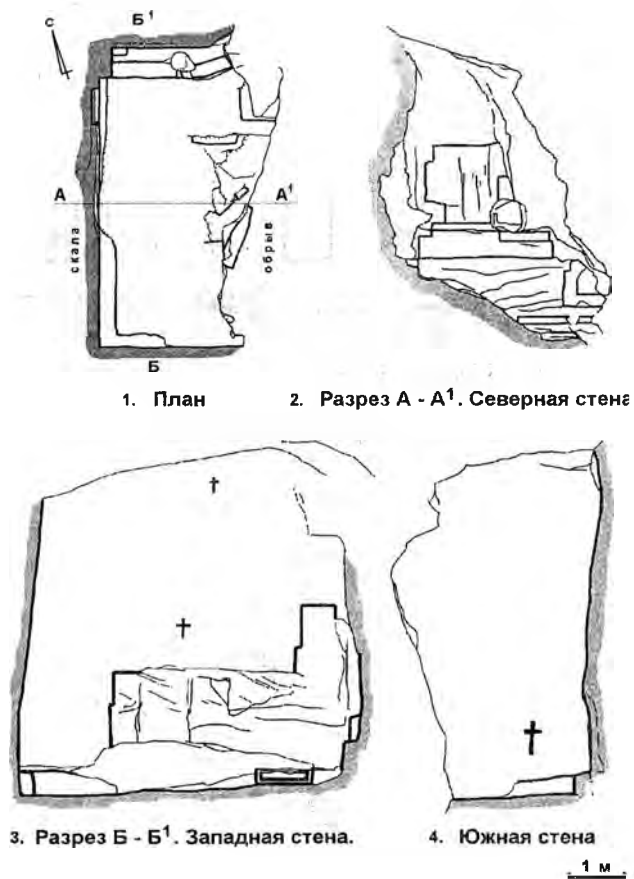

Рис. 12. Пещерный храм у подножья горы Сокол.

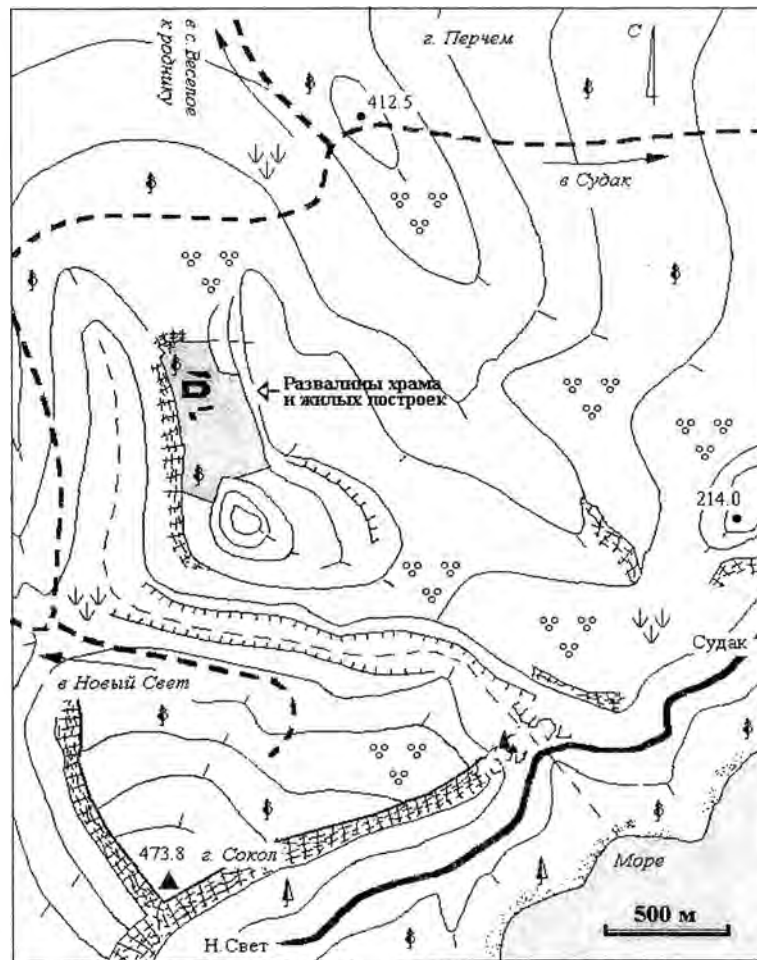

Рис. 13. Монастырь на седловине между горами Перчем и Сокол.

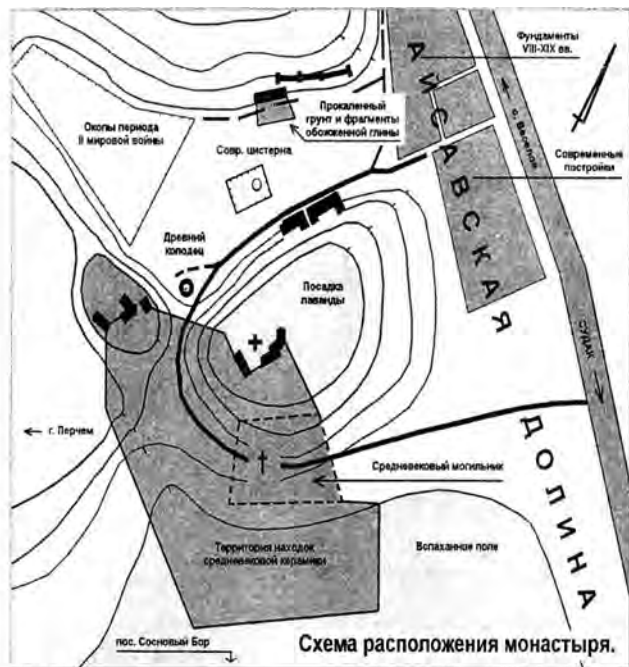

Схема расположения жерновов на месте мастерской (южный склон горы Перчем)

Жернова и заготовки, обломки жерновов Скальник

Рис. 15. Схема расположения жерновов на месте мастерской (южный склон горы Перчем).

Рис. 14. Монастырь и поселение в Долине Роз (Айсавская долина).

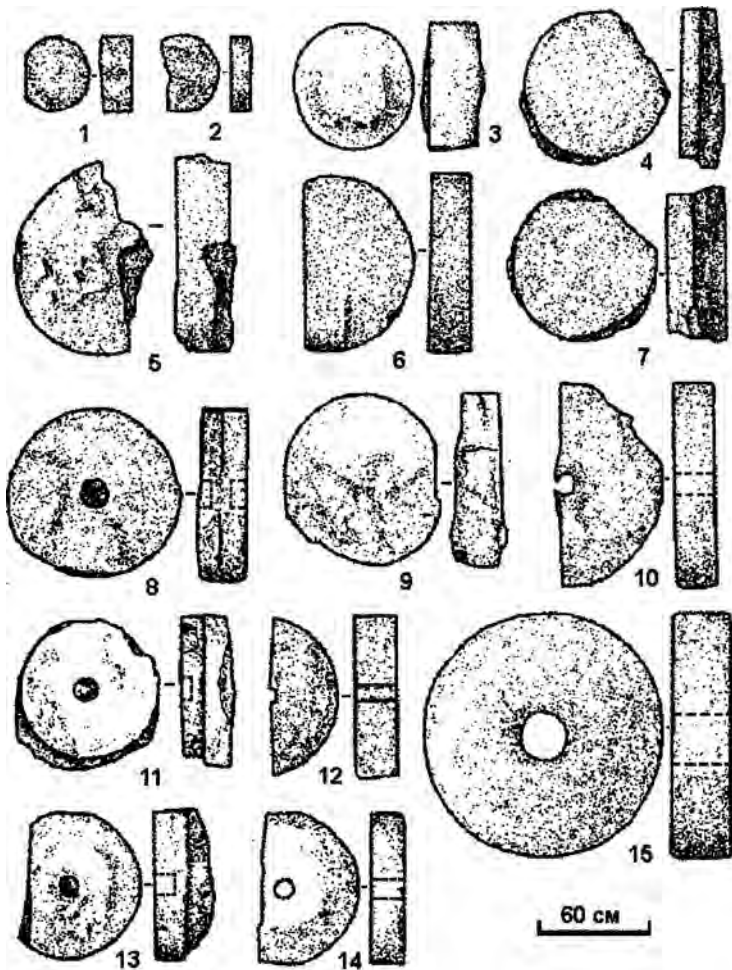

Рис. 16. Заготовки и обломки жерновов с южного склона горы Перчем.

Рис. 17. Караби-яйла. Изделия из кремня со стоянки у истоков р. Алачук.